

Русский помещик (К типологии литературного героя)¹

Когда говорят о типах героев русской литературы, то называют обычно «маленького человека», «лишних людей», «тургеневских девушек»... Но один из характернейших типов редко упоминается исследователями. Между тем, он весьма распространен, разнообразен и даже, может быть, наиболее специфичен.

Ранее представленный в творчестве Фонвизина, Муравьева, Крылова, Радищева и др. под разными определениями (от «помещика жестокосердого», до идиллического «сельского жителя»), он был осмыслен Карамзиным в аспекте своего права, своего долга: «Главное право русского дворянина быть помещиком, главная должность его быть добрым помещиком»². «Письмо сельского жителя» было помещено в карамзинском «Вестнике Европы» в рамках русской темы, в связи с поисками «русского пути» развития, пути особого, не совпадающего с европейским.

Свое окончательное определение герой получил у Гоголя в «Выбранных местах...» («Русский помещик»), а затем был подхвачен Л.Н. Толстым, задумавшим «Роман русского помещика».

Несводимый к типам «натуральной школы», «русский помещик» не только индивидуализирован, он дан в свете своего высокого предназначения, нравственной миссии, священного христианского долга, за исполнение/неисполнение которого он будет держать ответ перед Богом. Во всех случаях критерий авторской оценки – отношение помещика к этому предназначению. При этом осмысливается место героя произведения не столько в общественной иерархии, сколько в целой системе мироустройства. Литературный тип русского помещика вбирает в себя не только национально-исторический, социальный, но также и лирико-философский, религиозно-нравственный аспекты.

Данный тип героя обладает специфическими пространственно-временными характеристиками.

Появление рассматриваемого литературного типа исторически связано с 1761 годом, когда был издан указ о вольности дворянства. В связи с этим в умах и сердцах русских писателей сформировалось новое представление о долге русского дворянина. Мы видим это уже в фонвизинском «Недоросле». Главный типологический принцип сразу обозначился в знаменитой комедии: герои пьесы, прежде всего, Простакова и Правдин, по-разному толкуют указ о вольности дворянства. С одной стороны, дикий произвол, с другой – осознание и исполнение своего дворянского долга. У М.Н. Муравьева в «Обитателе предместья», так же, как и у Фонвизина, представлены оба типа отношения дворянина к своим крестьянам (владелец деревни Разоренной и хозяин деревни Благополучной). Муравьев противопоставляет двух помещиков, увиденных им в течение одной недели: в записи от 27 сентября 1790 г. рассказывается о графе Благотворове. «Я счастлив тем, что могу облегчать судьбу мне подобных», - объявляет свое жизненное кредо граф³.

В записи от 4 октября обитатель предместья описывает совсем иную картину, представившуюся его глазам: «поля пренебреженные, хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые!». И далее о владельце сей деревни: «Несчастье крестьян его не трогало. Он думал, что они рождены для его презрения...»⁴.

Сатирический портрет «русского помещика» предстает на страницах крыловской «Похвальной речи в память моему дедушке» и в «Почте духов», в произведениях Салтыкова-Щедрина, Некрасова и т.д. Дворянин в отношении к своему по-новому понимаемому общественному призванию (не царская служба), к своей священной обязанности становится героем произведений Гоголя и Л.Н. Толстого.

В соотнесенности с личностью героя художественное время имеет специфическую характеристику: это момент поворота в его судьбе, обращение к своему прямому назначению (которое вдруг открылось ему), к общественно-

му и христианскому долгу. Такому повороту предшествует либо учение в университете, либо чиновничья служба, либо светская жизнь, либо пребывание за границей. Затем следует переезд в деревню.

Вследствие этого специфика художественного времени меняется: вместо исторического, социального, личностного, оно приобретает свойства природно-космического, циклического времени. Русский помещик предстает в своей деревне в хронологических рамках годового цикла полевых работ и сельских праздников. Симптоматичным становится название толстовского рассказа «Утро помещика».

Всем памятливы пушкинские строки: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застаёт в нужде и в хлопотах»⁵. Перед нами в определенном смысле неоконченный «роман русского помещика».

Возможный источник этого пассажа находим у Карамзина: «Надобно заглядывать в общество – непременно, по крайней мере в некоторые лета, но жить в кабинете»⁶. Удаляться в кабинет можно для беседы с друзьями (роман «Обломов»), для чтения и уединенных размышлений («Евгений Онегин»), но и для исполнения долга в деревне — в своем «кабинете», т.е. в том месте, где человек предается труду и служит своему призванию. В таком смысле деревня предстает у Гоголя и Л.Н. Толстого. «...Не служа доселе ревностно ни на каком поприще, сослужишь такую службу государю в званьи помещика, ка-

кой не сослужит иной великочинный человек. Что ни говори, но поставить 800 подданных, которые все как один и могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело не бездельное и служба истинно законная и великая»(VIII, 328).

«Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастье этих семисот человек, за которых я должен буду отвечать Богу? Не грех ли покидать их на произвол грубых старост и управляющих из-за планов наслаждения ли честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?»⁷

Пространство героя теперь – не дом, не усадьба, а крестьянское селение, изба, поле, лес, больница, школа для крестьянских детей и т.п. Предваряя Л.Н. Толстого, Гоголь советует: «Возьми сам в руки топор или косу» (VIII, 325).

В связи со сменой местонахождения героя необходимым элементом сюжета становится письмо, где имеет место полемика с идейным оппонентом. У Карамзина это «филантропические Авторы», «иностранные глубокомысленные политики», чьи воззрения предстают как отвлеченные, умозрительные, некомпетентные в отношении России, у Гоголя – это сам русский помещик, еще не проникшийся авторскими идеями, у Толстого тетушка Нехлюдова, скептически относящаяся к его жизненным планам.

В окружении нашего героя также могут быть выделены системные элементы. Кроме друга, близкого человека, единомышленника или оппонента, перед которыми происходит позиционирование героем себя в должности – не в роли – русского помещика, принципиально важной фигурой становится управляющий, нередко немец. У Тургенева, Толстого, Аксакова это русский кулак, притесняющий мужиков. С образом управляющего связан мотив особенного мужицкого горя («Забытая деревня» Некрасова, «Бурмистр» Тургенева и др.). У Гончарова «немец только наполовину» - Штольц – напротив

того, наводит порядок в Обломовке, куда так и не собрался заглавный герой романа.

В 1837 г. в Петербурге вышла книга П. Шемиота (второе издание — 1840 г.), где автор называл причины, вызвавшие обеднение деревенских жителей и обременение помещичьих имений долгами и напоминал дворянам-помещикам об их общественной обязанности: «Благосостояние крестьян зависит совершенно от их помещиков; обязанность последних столько важна и почтенна, что каждый, поставленный судьбою на этом месте, должен уметь ценить положение свое и благодарить Провидение, предоставившее возможность спешествования их благополучию и давшее средства соделывать подвластных ему людей счастливыми и довольными своим состоянием, а вместе с тем и наслаждаться плодами благотворительности своей»⁸⁸.

Автор, в соответствии с лучшими традициями русской классики, призывает помещика видеть в крестьянах «сочеловеков, коих судьба вверила его попечению»⁹: «Благомыслящий и сострадательный владелец, постигающий священные свои обязанности, старается всеми силами улучшить положение своих крестьян такими средствами, которые, не стесняя собственных его обстоятельств, могут быть для них благодетельны. Приступая к сему, он обязан, изведав их нравственность, нужды, способ пропитания, состояние земледелия и те промыслы, которые, независимо от хлебопашества, могут доставлять им выгоды. Сделав первоначально с своей стороны возможное пособие крестьянам своим, он старается хорошим примером в ведении хозяйства, рачительным надзором за их собственными работами, поощрением трудолюбивейших, взысканием с нерадивых, побуждать к трудам и заставлять их следовать полезным нововведениям»¹⁰.

Как видим, в 1840-е годы об обязанностях русского помещика, вслед за Карамзиным, напоминал Гоголь, уже стяжавший славу великого писателя России, задумывался молодой Л. Толстой, об этом же настойчиво говорил автор книг по сельскому хозяйству.

Сюжет «романа русского помещика» строится по следующему принципу: завязка как решение переехать в деревню, развитием действия становится проведение преобразований. Кульминацией и вместе с тем развязкой – процветание деревни, благодарность доброму барину со стороны крестьян, духовное родство между помещиком и крестьянами, чувство честно исполненного долга.

Собственно говоря, формула «отцы и дети», столь знакомая нам по тургеневскому роману, изначально связана именно с образом русского помещика и крестьян. У Тургенева она получает ироническое освещение в разговоре Базарова с мужиком. У Толстого – противоположным образом – кульминация связана с осознанием невозможности изменить участь крестьян и тем самым исполнить свою священную обязанность, а развязка – с чувством зависти Дмитрия Нехлюдова к крестьянскому парню Илюшке.

Все необходимые структурные элементы в комическом освещении даны в пьесе К.С. Аксакова «Князь Луповицкий или Приезд в деревню» (1856, написана в 1851). Есть и приезд барина из Парижа, и его желание посвятить себя улучшению быта и нравов народа: «Образовать его – вот наш долг. Образовать в отношении религиозном, нравственном, общественном. – Вот поле для деятельности»¹¹. Барин готов взяться за соху и пилу и т.д. Однако итог здесь иной – ненужность русского помещика в деревне, где мудрые и душевно щедрые крестьяне прекрасно управляют сами.

Если же помещик по тем или иным причинам не приезжает в деревню, значимым элементом сюжета становится письмо к крестьянам, или же наоборот (начиная с журналов Новикова): помещику от крестьян, где они общаются о бедах и неурожаях, о невозможности собрать требуемый оброк, недоимках и пр. Нередко подобные письма сочиняет сам управляющий, кладущий доходы от имения в собственный карман.

Но только у Толстого сами крестьяне являются специальным предметом художественного исследования. При этом писатель приходит к выводу о невозможности желаемого взаимопонимания. В этом заключается причина

неосуществленности замысла «Романа русского помещика». Успех задуманного произведения именно как романа нового времени мог иметь место лишь в том случае, если бы помещик перестал быть таковым и соединился с крестьянским миром. Условие почти невыполнимое. Оно возможно только во внесоциальной сфере – философско-психологической, общегуманистической, христианской. Эти два феномена – роман и русский помещик – почти несоединимы: либо роман как слияние героя с действительностью, как принятие правды жизни, либо помещик, диктующий свои условия крестьянскому миру. Не случайно русский помещик предстает как таковой совсем не в романном жанре: в утопии, в наставлении, в сатире. Слово «роман» в связи с «русским помещиком» оставляет за собой лишь любовную сферу, приобретающую, как правило, трагическое звучание.

Взаимоотношения барина и крестьянской девушки можно выделить как особый тип сюжета. Тут возможно все: и взаимопонимание, и страстная любовь, и преданность, и верность до гробовой доски. Однако развязка подобного сюжета всегда драматична (бедная Лиза Карамзина, Малаша из «Дворянского гнезда», Матрена из тургеневского же рассказа «Петр Петрович Каратаев», бунинская Лушка из «Грамматики любви» и т.д.).

Отношение помещика к крестьянам может быть описано в таких понятиях, как угроза, принуждение, расправа, укоры, в лучшем случае уговоры, возможна и награда (все это упомянуто в гоголевских письмах «Русский помещик», «Сельский суд и расправа»). Со стороны крестьян – неподчинение, недоверие, насмешка, хитрость, притворная почтительность, притворное послушание, но также благодарность и любовь, преданность. Теплые, человеческие отношения возможны между барином и няней, кормилицей, дядькой (вплоть до самопожертвования, вспомним, хотя бы Савельича). Но все дело в том, что здесь отношения социальные заменяются, по сути дела, родственными. Роман о русском помещике оказался возможен как семейный, любовный, исторический, но не как социальный.

«Роман русского помещика» в строгом смысле своего заглавия требовал перемены исходной ситуации: не крестьяне должны были покориться всем благим намерениям барина, а, напротив, русский помещик должен был принять народную веру и правду, слиться с крестьянским миром. Это происходит только с толстовским Левиным. В «Отцах и детях» эта ситуация обыграна иронически: «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир?» - обращается Базаров к крестьянину, - «и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?» «Это, батюшка, земля стоит на трех рыбах, успокоительно, с патриархально-добродушной певучестью объяснял мужик, а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику.

Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрел восвояси»¹².

Со значительным допущением можно сказать, что роман о русском помещике написан и завершен Тургеневым в «Дворянском гнезде». Допущение подразумевает, что строится роман на любовном сюжете, а невероятно трудную проблему взаимопонимания между помещиком и крестьянами, исполнения помещиком своего священного долга Тургенев решает скороговоркой: «Он сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; он, насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян»¹³, - говорится о Лаврецком.

Однако не крестьяне в центре внимания писателя. Пристальное внимание к судьбе человека из народа, к его облику, к его восприятию жизни характерно только для Автора в «Мертвых душах» (все остальные говорят о крестьянах обобщенно: «Мужик Чичикова»). Нельзя в то же время не отметить, что подобным образом поименован объект забот в гоголевских письмах «Русский помещик» и «Сельский суд и расправа»: «Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство. Это сумет сделать становой, и заседатель, и даже староста; мужик к этому уже привык и только что почешет слег-

ка у себя в затылке» (VIII, 324) и т.д. У Толстого именно человек из народа становится главным предметом художественного исследования.

«Русский помещик» - такое феноменальное явление, которое в равной степени принадлежит и русской литературе и русской действительности, русскому общественному сознанию. В пореформенной России вопрос о взаимоотношениях помещика и крестьян не стал менее актуальным. В художественных и публицистических текстах, в изданных после реформы воспоминаниях, письмах, документах минувшей эпохи авторы постоянно возвращались к больному вопросу. Дело заключалось еще и в том, что русский писатель сам одновременно был (в большинстве случаев) русским помещиком. Закономерно вставал вопрос о реальном и идеальном воплощении этого образа. Расхождения воспринимались болезненно, нуждались в преодолении.

Значительный интерес в этом отношении представляет публикация Н.С. Тихонравовым в «Русской старине» письма Н.М. Карамзина к его бурмистру. Письмо написано рукою неизвестного лица, но с поправками и вставками самого подписавшегося. В результате мы видим двух помещиков: жестокого и справедливого, пытающегося не приказывать, а говорить с крестьянами: «Вы прислали мне в марте 1000 р., и обещали через неделю прислать еще *значительную сумму* (вместо зачеркнутого: 1000 р.; здесь и далее примечания публикатора. - Л.С.); прошло уже более *двух* (вместо: трех) недель, а я еще ничего не получал. Разве вы смеетесь надо мною? Знайте, *добрые* (вставлено самим Карамзиным) мужики, что от меня одного зависит употребить против вас те строгия меры, о которых я писал вам. Генерал-губернатор теперь у вас, и он обещал мне свою помощь..... (здесь Карамзин собственноручно зачеркнул слово: берегитесь). Еще раз увещаваю вас не выводить меня из терпения, немедленно *собирать* (вместо зачеркнутого: собрать) оброк и *присылать* (вместо зачеркнутого: прислать) ко мне. *Иначе нам нечем будет жить. Будьте благополучны. Николай Карамзин. 6 апреля 1826*»¹⁴.

Драматическая жизненная история связана с попытками молодого Л.Н. Толстого воплотить в действительности свое представление о долге русского помещика. Как известно, в 1856 году Толстой намерен был освободить ясно-полянских крестьян, «но только на условиях выкупа ими земли у помещиков». Он был твердо убежден в этот период, что «”историческая справедливость” требует признать землю помещичьей собственностью»¹⁵. В результате он столкнулся с недоверчивостью и скрытой враждебностью со стороны крестьян. «Все его попытки договориться с крестьянами ни к чему не привели»¹⁶. В 1857 году Толстой перевел крестьян с барщины на оброк и стал отпускать дворовых на волю. Толстой старался избавиться от положения «рабовладельца»¹⁷.

Таким образом, перед нами несколько вариантов финала: во-первых, благоденствие крестьян (этот вариант получает свою реализацию только в умозрительных, утопических построениях); во-вторых, нежелание или невозможность исполнить свой долг перед крестьянами; в-третьих, невозможность быть русским помещиком. Желание стать русским помещиком оказалось неосуществимым для гоголевского Чичикова. Деревни у него нет, а крестьяне его мертвы. Сам Гоголь художественно опровергает то, что насоветовал в письме к другу под названием «Русский помещик». Толстовский вариант – нежелание быть русским помещиком.

Таким образом, отечественная классическая литература во многом представляет собой, обобщенно говоря, роман «русского помещика».

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 08-04-21401 а/В.

² Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1964. С. 296.

³ Муравьев М.Н. ПСС. Ч. 1. СПб., 1819. С. 94–95.

⁴ Там же. С. 96–97.

⁵ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1960. С. 484–485.

⁶ Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 125.

⁷ Толстой Л.Н. ПСС: В 90 т. Т. 4. С. 123–124.

-
- ⁸ *Шемиот П.* Мысли об усовершенствовании сельского хозяйства и улучшении быта хлебопашцев. Изд-е 2-е, доп. СПб., 1840. С. 52.
- ⁹ Там же. С. 6–7.
- ¹⁰ Там же. С. 52.
- ¹¹ *Аксаков К.С.* Князь Луповицкий или Приезд в деревню. М., 1856.
- ¹² *Тургенев И.С.* ПСС и П: В 28 т. Соч.: В 15 т. Т. VIII. М., Л., 1964. С. 384.
- ¹³ Там же. С. 293.
- ¹⁴ Русская старина. 1884. Июль. С. 114.
- ¹⁵ *Николаева Н.* «Утро помещика» в идейной эволюции Л.Н. Толстого 50-х годов XIX века // Л.Н. Толстой. Сборник статей о творчестве / Под общей ред. проф. Н.К. Гудзия. М., 1959. С. 10.
- ¹⁶ *Гудзий Н.К.* От «Романа русского помещика» к «Утру помещика» // Л.Н. Толстой. Сборник статей и материалов. М., 1951. С. 332.
- ¹⁷ *Крутиков В.И.* Л.Н. Толстой и яснополянские крестьяне // Яснополянский сборник. 1998. Статьи. Материалы. Публикации. Тула, 1999. С. 356.